

Он только что подписал контракт, оплатил налоги и сборы, заранее попросил отель отдать ему кольцо. Продавец не появился, после связи с отелем та сторона согласилась отдать кольцо досрочно.

Цзян Юй, сияя от радости, нёс то изумрудное кольцо обратно. Стоя у двери ложи, он в одиночку уставился на двоих внутри, а те уставились на него.

Сы Ханьцзюэ прикрыл рот тыльной стороной пальцев и тихо кашлянул:

— Входи.

Тан Сяотан теребил пальцы, носком ботинка поскрёб пол, отодвигаясь потихоньку от хозяина, и, краснея, смотрел на Цзян Юя.

[Большой союзник всё увидел!]

[Как же стыдно!]

На лице Цзян Юя отразилось «ого, дело идёт», в персиковых глазах играли улыбки. Он положил то кольцо на стол и открыл коробочку.

Кольцо с изумрудом размером с большой палец, оправленное в старое серебро, мирно покоилось на чёрной бархатной подкладке.

В момент открытия футляра драгоценный камень, вобравший в себя десятилетия разлук и потерь, излучил тёплый и милосердный блеск.

Десятилетия назад нарядившаяся к свадьбе юная барышня в европейском платье стояла на балконе западного особняка, а молодой человек, преклонив колени, надел ей на палец это кольцо ценой в целое состояние.

Буйный и своенравный молодой мастер перед любимой девушкой сгладил все свои колючки, напряжённо и возбуждённо спросил:

— Лу Мин, нравится?

— Не нравится, — прикрыла рот рукой юная барышня. — Говорят, бриллианты навечно, а ты подарил изумруд, слишком банально.

— А я обожаю всё яркое и броское, — задрал голову, Сы Гуй сиял от гордости. — Когда женюсь на тебе, тоже буду любить тебя ярко и сильно. Какие там камни, потом подарю тебе целую корзину золотых слитков. Пока я буду на войне, ты дома считай золото, считаешь сто, тысячу, десять тысяч — и я вернусь.

— Говори, выйдешь за меня? — Сы Гуй хлопнул себя по колену. — Если не выйдешь, тогда мне придётся...

Он плюхнулся на колени, опустившись на оба, превратив западный жест с одним коленом в двойной, удвоив искренность.

— Выглядел так, будто кланяется предкам.

Простоватый и богатый, упрямый и нелогичный, словно неуклюже заискивающий большой пёс.

Начитанная и воспитанная барышня рассмеялась, её завитые локоны и косички задрожали, заставив содрогнуться время, и годы текли мирно и спокойно.

Лицо Сы Гуя, поднятое кверху, было таким молодым. Белая рубашка и подтяжки смотрелись особенно комично и красиво, у воротника был завязан самый модный в Пекине того времени воротник «Виндзор», а в глазах и бровях отражалась его самая любимая девушка.

Предзакатный свет струился в мир, словно золотой янтарь, навеки застыв в нём фигуры стоящей и преклонившей колени.

...

— Это бабушка мне рассказывала, — гладил кольцо Сы Ханьцзюэ, и холодный камень постепенно согревался.

Сы Ханьцзюэ взглянул на Цзян Юя:

— Сяо Юй тогда тоже был.

Цзян Юй сказал:

— Да, мы только вернулись в страну, ты повёз меня в больницу навестить бабушку.

Цзян Юй почесал голову:

— Я тоже вспомнил об этом, поэтому немного разволновался...

— В общем, — с величайшей торжественностью Цзян Юй передал то кольцо в руки Сы Ханьцзюэ. — Обещание, данное бабушке, мы сдержали.

Сы Ханьцзюэ опустил взгляд, глубоко созерцая кольцо, затем поднял глаза и устремил взор на Тан Сяотане:

— Угу.

Тан Сяотан сиял маленькими глазками, поджав нежно-розовые губки, уголки рта приподняты, правый глаз чуть прищурен, подмигнул Сы Ханьцзюэ.

[Ничего, важные слова мы скажем дома.]

С другой стороны, чтобы восстановить репутацию, Сы Чэну пришлось отказаться от злонамеренного соревнования в ставках с Сы Ханьцзюэ и выбрать для покупки последний лот, причём все средства должны были пойти на благотворительность.

Судя по характеру подобных аукционов, последним лотом обязательно было что-то вроде петиции с подписями детей из бедных горных районов, полотна с пожеланиями и тому подобное. Для бизнесменов это чисто ради приобретения репутации «благотворителя». Репутация хороша, но, с другой стороны, по сути это немного похоже на ситуацию «охотник и жертва», где обманывают простофилю.

Сы Ханьцзюэ не стал дожидаться, чтобы посмеяться над Сы Чэном дальше. Получив желаемое, он ушёл до окончания мероприятия.

Тан Сяотан, держась за палец хозяина, следовал за Сы Ханьцзюэ, и по взаимному безмолвному

согласию они вместе сели в машину, направляющуюся домой.

Цзян Юй, глядя на свою пустую машину, цокал языком.

Тан Сяотан шёл впереди, обернулся и сладко улыбнулся.

Обратная дорога домой казалась особенно долгой.

Сы Ханьцзюэ молчал. Тан Сяотан сидел на своём эксклюзивном месте пассажира. Сы Ханьцзюэ наклонился, как и раньше, чтобы пристегнуть ему ремень безопасности.

Только угол наклона был слишком близким, дыхание мужчины касалось лица Тан Сяотана, а взгляд, случайно упав, останавливался на полных алых губах юноши.

Снаружи мир был таким холодным, но в салоне машины было удивительно жарко.

В тёмных зрачках Сы Ханьцзюэ бушевали стремительные потоки, его взгляд глубоко застыл на этих двух губах, словно на добыче.

Тан Сяотан, пойманный этим взглядом, трепетал от страха. Жар от груди поднимался до ключиц, сокрушительной волной накатывая на кончики глаз и бровей. Он поднял глаза, беспокойный, как оленёнок, заметивший охотника. Чистые черты лица, обрамлённые лунным светом и звёздами, и та лёгкая очаровательная краснота у внешних уголков глаз смотрелись особенно трогательно и мило.

Сы Ханьцзюэ глубоко вздохнул, с величайшей нежностью и снисходительностью, на какую только был способен в жизни, снова сел прямо.

Тан Сяотан осторожно протянул левую руку, мягко взял руку хозяина и сплёл пальцы с его пальцами.

Холодная ночь, как вода, мириады огней дома мерцали ярко и двусмысленно.

Холодный туман почти затопил весь салон, дворники, мелькнув влево-вправо, вымели ясный, иллюзорный обзор.

Тан Сяотан увидел в стекле своё отражение. На нём был маленький костюм, точно такой же, как у хозяина, маленький галстук-бабочка, он выглядел послушным и спокойным.

Белая кожа слегка покраснела от волнения, в глазах стояла влага, тонкие губы были сжаты. Он смотрел на отражение в стекле, и то отражение растерянно и тревожно смотрело на него.

Рядом было отражение хозяина, два силуэта в долгой ночи были очень близки, даже было ощущение, что они держатся друг за друга.

Всё было не так, как он представлял. Тан Сяотан бесщётное количество раз представлял, как он в человеческом облике предстанет перед хозяином и сладко скажет ему: твой Сяотан умеет превращаться в человека.

Умеет превращаться в человека, ночью будет разгонять твои кошмары, рано утром готовить тебе завтрак и кофе, будет поправлять сползающее одеяло, неуклюже убираться в доме, где они живут вместе.

Когда он убедится, что хозяин любит его, он как-нибудь вечером превратится в человека,

приготовит вкусный ужин, зажжёт романтические свечи, будет ждать возвращения хозяина и сделает ему сюрприз.

Он ещё не был готов к откровению, но неожиданно правда была вырвана у него.

Тан Сяотан серьёзно задумался, почему он боится признаться хозяину.

Хозяин такой хороший, так сильно его любит, такой идеальный, кроме того имени, которое само вырвалось в больнице, ничего не вызывало в нём тревоги.

Он просто боялся, что в сердце хозяина есть кто-то другой.

— Хоз... хозяин...

Тан Сяотан нервно дышал, вдыхая в воздухе свой собственный сладкий аромат. Тот сладкий запах, которым мармеладный мишка охранял и успокаивал хозяина, впервые нежно вернулся, чтобы утешить его самого.

— Хозяин... я... я... эм...

Тан Сяотан сжал пальцы, словно хотел вырваться, но Сы Ханьцзюэ сжал его ещё крепче.

Мужчина, одной рукой управляя рулём, глядя на дорогу впереди, лишь сильнее сжал руку Тан Сяотана.

— Сяотан, не бойся.

Не бойся.

Кем бы ты ни был, человеком или конфетой, в коме ли, в глубоком сне или желая остаться с ним в ином облике, он всегда будет тебя защищать.

Тан Сяотан широко раскрыл глаза, на дне глаз поднялась тёплая влага, и он внезапно успокоился.

[Угу, Сяотан больше не боится.]

Вернувшись домой, Сы Ханьцзюэ припарковал машину в подземном гараже. Когда открылась дверь, хлынул холодный ветер. Тан Сяотан был легко одет и, пока Сы Ханьцзюэ доставал футляр с кольцом, вдруг чихнул.

Тан Сяотан потер покрасневший кончик носа и обиженно посмотрел на хозяина.

— Простудился, — пропищал он. — Испугался хозяина.

Чистый юношеский голосок звучал капризно, словно с упрёком, и в то же время кокетливо.

Сы Ханьцзюэ взглянул на него, уголки губ невольно приподнялись выше. Он расстегнул пальто:

— Иди сюда.

Тан Сяотан был чрезвычайно послушен.

<http://bllate.org/book/15589/1395491>